

ОГНИ БОЛЬШОГО СОЧИ ДЛЯ ВСЕХ

№ 5-6 (103)

май – июнь 2019

Журнал для тех, кто любит наш город

16+

10 ЛЕТ

**КРЕДИТНАЯ
КАРТА:**
как не ошибиться
с выбором?

**ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ
БЕЗОПАСНОСТЬ**
северных морей обсуждали
у теплого Черного моря

**МОЛОДЕЖЬ – ГЕЙЗЕР
ВОЗМОЖНОСТЕЙ**
спецпроект

**ПЛЯЖ СО ЗНАКОМ
КАЧЕСТВА**

Татьяна ГОГУАДЗЕ:
Есть два вектора
судьбы – «до» и «после»

Досье: Татьяна Валерьевна ГОГУАДЗЕ

Родилась 25 октября 1969 г. в г. Печора, Республика Коми.

Образование: 1989 г. – окончила Сыктывкарское педагогическое училище №1 по специальности «учитель начальных классов».

1997 г. – окончила Орехово-Зуевский педагогический институт по специальности «педагогика и методика начального образования».

1999 г. – получила диплом Московского государственного открытого педагогического университета им. Шолохова по специальности «логопедия», квалификация «учитель-дефектолог, учитель-логопед дошкольных, школьных и медицинских учреждений».

Трудовая деятельность: 1989-2000 гг. – старшая пионерская вожатая, учитель начальных классов Озёрной средней школы, затем Усинской средней школы, педагог психолого-медико-педагогического центра Усинского горно, учитель-дефектолог в детском саду (г. Москва).

2000-2009 гг. – старший преподаватель кафедры логопедии МГОПУ им. М.А. Шолохова.

С 2013 г. – генеральный директор Центра дислексии Татьяны Гогуадзе (г. Москва).

В 2013 г. открыла в Сочи свою авторскую школу для дислексиков всех возрастов.

Президент Региональной общественной организации помощи людям, страдающим дислексией «Дислексик+» (г. Москва).

Автор книги «Дислексия мозга. За гранью известного» (2016 г.).

Семейное положение: Взрослый сын-дислексик.

Каждый день она встает с восходом солнца и, пока все досматривают самые сладкие утренние сны, бежит к морю, делает на камешках зарядку и, бодрая, возвращается в свой Дом – именно так, с большой буквы. И дело тут не в помещении – оно съёмное, зато всё остальное – авторское и уникальное. 6 лет назад в Сочи начал работать «Дом дислексика», который «построила» Татьяна Гогуадзе, президент Региональной общественной организации помощи людям, страдающим дислексией «Дислексик+», автор книги «Дислексия мозга. За гранью известного» и собственной методики «Успешный старт». К ней едут со всей России, из дальнего и ближнего зарубежья родители с детьми, на которых школа поторопилась поставить клеймо «необучаемый».

Так совпало, что в этом году сама Татьяна Валерьевна отмечает сразу три юбилея: 30 лет педагогической деятельности, 20 лет научного стажа, посвященного опять же теме дислексии, и, наконец, свой полувекковой юбилей, во что, глядя на нее, молодую, красивую, невозможно поверить. «Ничего удивительного, – улыбается Татьяна Гогуадзе, – технология, которой я занимаюсь, – сберегающая здоровье, омолаживающая. И я сама ее активно практикую. Так что дислексия для меня – не только профессия, но и, по сути, вся моя жизнь...»

Татьяна ГОГУАДЗЕ: Есть два вектора судьбы – «ДО» И «ПОСЛЕ»

С вопросом «Зачем?» по жизни

Татьяна Валерьевна, признаюсь: до знакомства с Вами не имела представления, что такое дислексия. И была удивлена, узнав из Википедии, что дислексиками были Ганс Христиан Андерсен, Леонардо да Винчи и Альберт Эйнштейн. И это не мешало им сочинять замечательные сказки, писать великие картины и открывать законы физики. Выходит, ребенок-дислексик не ущербный, а, скорее, наоборот?

– Однозначно, не ущербный, он – необычный. С одной стороны, такие люди могут быть на более высоком уровне интеллектуаль-

ного развития, а с другой – страдают от неспособности реализовать себя, поскольку чуть ли не до старших классов с трудом могут писать и читать. Нестандартный подход ко всему, что происходит с ними в повседневной жизни, мешает их понять и принять, а если говорить о детях-дислексиках, причиняет особый дискомфорт родителям и педагогам.

Дети-дислексики – своеобразные, своенравные и крайне непослушные. Причем их легко узнать еще в раннем детстве. На любую просьбу или указание что-то сделать у них только один вопрос: «А зачем?». Ребенок может и не задавать такого откровенного провоцирующего недовольство взрос-

лого вопроса, но и делать не будет, пока действительно не поймет, зачем ему это надо. Если сказали – и он делает, это не дислексик, а просто нормальный среднестатистический ребенок. Дислексики другие, они всё пропускают через свой внутренний контроль качества жизни, задавая себе вопрос: «Зачем я буду тратить на это свою жизнь?» Если ребёнку спокойно поясняют, зачем ему это нужно, и это соответствует его внутренним критериям этики и эстетики, то он берется за дело. И только в этом случае открываются его реально уникальные качества души и интеллекта. А пока есть прессинг, тупое «сядь и делай», разрушающее природу интеллекта че-

ловека с дислексией развития, он не преуспевает в учебных делах, а в итоге все это приводит к тому, что он живёт не свою жизнь.

«Зачем мне это надо?», «Зачем мне этот человек?», «Зачем я буду это делать?» Мы, дислексики, живем с этими бесконечными «зачем» как критерием, который определяет смысл нашей повседневной жизни, нашей деятельности, бытия и сознания.

Мы?.. То есть все то, что Вы говорите о дислексиках, напрямую касается и Вас?

– Так и есть. Детская память сохранила мне чёткий образ девочки Тани, которая уже в детском саду выделялась из группы сверстников. У меня всегда было своё

мнение. Кстати, эта общая черта для детей, которых ещё не причисляли под общую гребёнку. Ну а я и дальше заявляла о своём несогласии маршировать строем и говорить в унисон сначала своей воспитательнице, затем учительнице, далее преподавателям в институте и университете... Позже пришла к выводу, что дислексия развития даёт реальные ресурсы справиться с трудностями самостоятельно. Когда поняла эту непростую истину, моя жизнь наладилась: я нашла свою миссию и, как мне кажется, достаточно успешно несу в мир новые знания о потенциале интеллекта ребенка с дислексией развития.

Три поколения дислексиков

Полагаю, Вам, как профессионалу, было проще справиться со своей проблемой...

– Кстати, о своей дислексии я узнала, когда мне было 30 лет. Тогда бытовало мнение, что это недоразвитие каких-то психических функций, с чем я категорически не согласна. У меня, например, два высших образования. И еще обучаюсь на кафедре логопедии, я поняла: классическая логопедия – это совсем не то, что нужно детям с дислексией. У самой же были все эти проблемы, и они остаются по сей день. Просто надо дислексию контролировать, надо ею заниматься и постоянно держать в порядке мозг, который у дислексика не очень устойчивый в эмоциональном плане, потому что очень чувствительный к интонациям и другим внешним факторам.

Скажу вам больше: в моей семье практически все дислексики – я, мама, мой сын... Он у меня дислексик в третьем поколении. Причем дислексический тип развития подтвержден биометрическими исследованиями. Так что мои познания в области дислексии не ограничиваются только учебни-

ками или научными трудами – информация регулярно мне дают моя собственная жизнь и истории моих учеников.

А «родоначалник» семейной дислексии, выходит, мама?

– Да, она обычно и передается по материнской линии. Моя мама, Тамара Пантелеймоновна Воробьева, в будущем году справит свой 80-летний юбилей, 37 лет она отработала учителем начальных классов. Интересно, что о ее «странностях» я узнала лет в 16. Она была секретарем парторганизации в школе, бесконечно проверяла тетради. И для меня было откровением, когда мама-на сестра однажды сказала: «Я удивляюсь, как Тамара вообще работает в школе, она же такая безграмотная!» Как так?! Она в секретарях сидит, и в тетрадях у нее идеальный порядок, ни одной ошибки. Уже потом, когда я стала заниматься проблемой дислексии, поняла: на работе мама концентрировалась, а сестре своей просто писала письма расслабившись, вот и могла какой-то ошибки, а точнее, описки, не заметить. И это очень характерно для дислексиков.

С сыном было много проблем?

– Илья – леворукий ребенок, таким в 6 лет пошел в школу. Алфавит он не знал, но мы выбрали хорошую учительницу. Начальную школу прошли успешно, а вот в 5-6 классах столкнулись с проблемами, связанными с почерком. Вообще почерк – это эмоциональное состояние ребенка, его отношение к письму, и если есть какая-то внутренняя дисгармония, связанная с проблемами в семье или в школе, это сразу видно по почерку.

Своего сына-дислексика я воспитывала и обучала одна. От отца Ильи помощи не было, было лишь непонимание меня и нашего ребенка, не совсем похожего на

других детей. А зачем, скажите, делить свою жизнь с человеком, который тебя не понимает? В такой семье нет заботы и защищенности. Ты живёшь адскую жизнь в эмоциональном плане: тебя постоянно обвиняют за своеобразное понимание сути процессов обычной жизни.

Мало кто знает, но это очень актуальная для России проблема: среди дислексиков и людей с депрессией много суицидников. Эти люди не смогли сами разобраться со своей природой, и никто не помог им понять смысл жизни. И последней каплей отчаяния является именно вопрос без ответа: «Зачем жить, если тебя не понимают даже в семье?»

Для других мы были вполне благополучной семьей. Илья хорошо учился, а когда что-то не получалось, мы быстро справлялись с трудностями в учебе. И все же я не смогла терпеть тихий прессинг мужа в отношении себя и сына, и чтобы сохранить нас, приняла решение о разводе. Это было решение во имя спасения своей природы и душевного благополучия моего ребенка. У меня все получилось! Илью я вырастила, сама образование получила и теперь могу помогать другим.

Моя практика длится 14 дней, но вести такого ребенка надо до 21 года, пока не созреют его лобные доли. До этого возраста я постоянно наблюдала за Ильей, контролировала его учебу, смотрела, с кем он дружит. Когда Илья подрос, дела в школе у него пошли хорошо. Но в 10-й класс я его не пустила, сказала: пойдешь в колледж.

Я помнила, как сама расцвела, когда поступила в педучилище, потому что там много практики, там больше ответственности, там с тобой выстраиваются отношения как со взрослой, а не как со школьницей. А потом... после кол-

леджа можно сразу поступить в институт. В общем, решение было правильным, и сын сам потом это признал. Сейчас с Ильей нет проблем. Их вообще не будет, если мы сами их не нагнетаем и поддерживаем ребенка вне школы, вне обучающего процесса: это режим дня, физкультура – кому что нужно.

В своей программе я показываю родителям, как создать условия ребенку, чтобы он лучше учился, а потом уверенно вошел во взрослую жизнь. Школу, если даже оттуда пытаются «выдавить» ребенка, менять не надо. Постоянно предлагают более щадящую программу, а надо наоборот – более сложную. И часто дети, отучившись у меня, либо остаются в классах, откуда их чуть не исключили, либо переходят в классы с более серьезной подготовкой.

Пока сыну не исполнился 21 год, я жила и работала в Москве, никаких предложений не принимала, занималась ребенком. Вела практику, развивалась, сняла с себя бремя замужества и с головой ушла в свою деятельность. Не в работу, а именно деятельность, и этим я живу. Когда люди приезжают ко мне, они это видят.

Думаю, вырастила Илью достойным человеком.

Потомственный педагог

Татьяна Валерьевна, но по первому-то образованию Вы педагог. По маминым стопам решили пойти?

– Не только по маминым – я педагог в третьем поколении. Дед был учителем, у мамы – красивая трудовая книжка со множеством благодарностей. Но, как это часто бывает в учительских семьях, на собственных детей времени почти не остается. Поэтому я всегда говорила: «Нет уж, я учителем никогда не буду!» Тогда у нас были популярны уроки самоуправления: кто-то на один день становился директором школы, кто-то завучем. А я, как сейчас помню, вела урок биологии. Оказалось, это так интересно! Потом была практика в детском саду. И после этого созрело решение: учиться в 9-й класс не пойду. Уехала в Сыктывкар, в педучилище.

Естественно, тогда я еще не знала, что моя природа дислексика громко заявляет о себе! И когда сегодня ко мне привозят детей в состоянии кризиса, мне это по-

нятно как никому, я сама когда-то в нем была.

А потом был университет, после окончания которого мне как молодому специалисту дали класс коррекции, потому что всех хороших учеников к тому моменту разобрали лучшие учителя. Зато меня никто не трогал: типа, что с них возьмешь? Тем не менее, итогом первого класса у меня был выход детей в общеобразовательные классы. Кто-то вышел раньше, кто-то позже, но в любом случае мой первый год был удачный, и с тех пор я так и осталась в коррекционных классах. И сейчас могу позиционировать себя как кризисный педагог, потому что семьи, которые обращаются ко мне, как правило, находятся в кризисе обучения своего ребенка.

Обращаются семьи – а приезжают с детьми, как я вижу, в основном мамы. Почему?

– Все-таки дислексия чаще всего бывает по материнской линии. Папы обычно даже не понимают, что это такое. И денег не дают на программу, говорят: «Что ты там придумала? Дай шалопаю подзатыльник, пусть сидит и пишет!» А дать подзатыльник – это вообще оскорбление для такого ребенка.

Дислексиики, когда мы их выводим из кризиса, это дети, которые хотят учиться, реально хотят работать. Среди них много детей ученого склада ума, исследователи. Я тоже, хоть и не защитила диссертацию, это не

мешает мне проводить исследования, вести научную работу, открывать новую педагогику XXI века. И никто так не учит, а я учу! Смотрю узоры пальцев, определяю генотип и формирую фенотип успешного школьника.

Прямо-таки успешно?.. И что с этим дальше делать, в обычной школе?

– Вот это порой самое грустное. Даже когда Илья пошел в армию, у него начался кризис: а что я здесь делаю, зачем?.. Думал: авиационные войска, романтика, а они подметали дорожки между самолетами. Никакой физкультуры, даже зарядки нормальной нет! Он был в растерянности... Столько лет занимался спортом, голкипер от бога, как я говорю, руки – как магниты. Но дислексическая природа не дала сделать футбольную карьеру. Из одного клуба ушел, потому что тренер орет, другой тренер толстый, курит. Сын говорит: «Какое право он имеет меня учить?»

Дислексиики очень избирательно относятся к людям и всегда чувствуют второй план в общении. Привели, допустим, ребенка к репетитору, а он – «я не буду с ним заниматься». И не объяснить, почему, но понятно, что там что-то не так. Если есть несовершенство, не имеешь права командовать или учить. Вот в чем кризис обучения этих детей. Они эстетичны, они этичны. Да, сами по детству бывают не очень аккуратны, но при этом очень требовательны к окружающим.

Дети смотрят на тебя и сразу решают, будут с тобой работать или нет. И если ты им понравилась, не лжешь, не манипулируешь (хотя сами они еще те манипуляторы), то они расцветают, становятся очень послушными, даже когда ты строг.

Чистота эксперимента дорогого стоит

И почему же не вышло с диссертацией? Была бы сейчас ученая степень – чем плохо?..

– Поначалу все было замечательно. Второе образование – более рабочее, поэтому учиться было интересно. Я не просто зубрила, а привозила реальные работы, и мне, как сама тогда шутила, девочке с лесопилки, предложили поступить в аспирантуру! Но, начав свой путь в науке в 1999 году и успешно завершив работу над диссертацией, перед учёным советом я... отказалась от защиты. Почему? Да потому что текст диссертации надо было полностью переформатировать под стандарт, наполнив его цитатами, которые бы исказили суть и весь смысл моей авторской находки.

Но я-то практик, и моя диссертация описывала практические пути достижения в работе при дислексии, дисграфии у школьников и детей с задержкой психического развития. Я выбрала свою чистоту эксперимента, который был бы свободен от цитат теоретиков из науки.

В общей сложности мне удалось продержаться в официальной научной работе на кафедре логопедии Московского государственного университета 9 лет. Меня удерживала уникальная возможность неформального общения с легендами отечественной дефектологии. Повезло лично и близко общаться с С. Забрамной, Р. Лалаевой, Т. Филичевой, а глубокоуважаемая Лариса Степановна Волкова была моей научной мамой. Горжусь тем, что общалась с великими людьми отечественной дефектологии и педагогики. Обучить и наполнить свою душу можно лишь общением с теми, кто умнее тебя, когда ты воспринимаешь это как дар судьбы, а не как ущербность своих незнаний.

И что в итоге? Может, пришло время вернуться к диссертации, но уже с учетом опыта почти 20 лет практики?

– Думаю, этот поезд давно ушел. Моя работа классической наукой была не принята – и что с того? Это же была не просто научная работа – это была программа, по которой я работала все эти годы и работаю сегодня. Честно говоря, у меня сейчас не одна докторская лежит! Вы

же понимаете, сколько историй, сколько судеб прошло за эти годы! Ну, вот хотя бы смена руки с левой на правую за 14 дней – это не то что кандидатская, это уникальный результат. Дети меняют руки – начинают лучше рисовать, лучше себя вести. Потому что левая рука вызывает несогласованность в работе полушарий головного мозга, и для обучения она неперспективна, поскольку активизирует правое полушарие. Учиться же надо левым полушарием.

Татьяна Валерьевна, несмотря на то, что Вы арендуете дома для занятий, есть здесь ощущение тепла и уюта: в кра- сках, в мебели. Кстати, почему все круглое, без острых углов? Чтоб дети не поранились?..

– Острые углы нас обостряют. Мы и так очень чувствительные, поэтому ничего не должно обострять ситуацию. Дети заходят в помещение и чувствуют себя комфортно. А качаясь в креслах, выходят на более плавные линии в письме. Так вот, моя научная мама Лариса Степановна Волкова учила меня: ты не называй это фэн-шуй, просто описывай, что ты делаешь. Вот ищешь круглые столы – про это и пиши. Решила, что тебе нужен в пространстве желтый цвет – пиши, что желтый цвет активизирует интеллект.

Лариса Степановна – легенда отечественной науки. Она меня многому научила и дала уверенность в себе. И теперь я постоянно двигаюсь вперед. И дети это тоже чувствуют.

«Школа – это я!»

Татьяна Валерьевна, а почему Вы решили открыть свою школу в Сочи? Из-за моря или потому что курорт в последние годы у всех на слуху?

– В 2013 году в Москве я проводила диагностику ребенка. У его родителей был в Головинке дом, который в межсезонье пустовал, и мне предложили проводить программы в этом доме. Потом были другие дома, тоже пустующие в межсезонье. Здесь главное – большая веранда, чтобы заниматься на свежем воздухе, и столовая тут же. А второе – каменистый берег. Наши дети поднимают камни, ходят по камням, делают пробежки, зарядки – это замечательно активизирует стопы, снимает тонус с тела, и ребен-

нок становится более сбалансированным, и вообще это некий уровень трудности, который показан дислексикам.

В режиме дня – купание в море, но только с утра или ближе к вечеру. С 10.00 до 13.00 мы занимаемся, потом обязательно дневной сон. Морской воздух важен для дыхательных практик, постановки речевого дыхания – мозг быстро компенсирует все трудности и неврозы.

В Ваших программах много физкультуры...

– Есть прямая зависимость физического состояния ребёнка и его способностей в обучении. Физическая слабость показывает нам слабость психики и неустойчивость психических процессов в учебе. Ребенок, который не управляет своим телом, не может управлять вниманием, сознанием и как следствие – своим интеллектуальным потенциалом. А чтение и письмо – это физические навыки, в основе которых лежит выносливость к монотонным упражнениям. Каждый раз на своих программах показываю детям и родителям, что сила мышц и мозга взаимосвязаны. Мускульная сила рук связана со зрительной памятью, скоростью реакции. Чем сильнее руки, тем сильнее и активнее работает мозг.

Откройте секрет: что делать, чтобы в 50 лет так фантастически выглядеть?

– Работать свою программу! Я так и делаю. Говорю: почему, думаете, у меня получается с трудными детьми получать такие фантастические результаты? Да потому что хоть с вами, хоть без вас я все равно делаю упражнение «тучка-солнышко», делаю перекасты, дышу – отсюда такой эффект. Конечно, генетику никто не от-

менял, но главное – я живу своим делом! Мозг работает, и все это сказывается на теле.

Мечтать есть о чем?

– У меня в работе две книги, которые надо дописать. Столько историй...

Приехала тут одна мама, в голове – дольмены, горы, водопады. А я понимаю, что у этой женщины нет... себя. Она настолько обеспокоена куда бы еще успеть, что не видит себя, не чувствует и не понимает. Я – женщина другой природы, я чувствую эту вселенную в себе. Много где была, но путешествия меня всегда утомляли: не могу думать, писать – все отвлекает. Люди разные. Интеллектуалы заинтересованы тем, что выдает мозг, а не тем, что потребляешь, куда ходишь и с кем тусуешься.

Мне интересны дети, которые приезжают на курсы коррекции. Это определяет два вектора судьбы моих учеников – до моей программы и после нее. Открывать новый вектор судьбы ребенка с трудностями в обучении – вот моя миссия. Это меня тренирует, поддерживает, дает мне здоровье и радость бытия. Я востребованный специалист, счастливая женщина и мать. Быть лучшей в своём деле – это особая привилегия для человека, который познал силу своего таланта и проявляет его в созидательной деятельности каждый день, делая жизнь других лучше и счастливее.

Нина Булычёва

ЧТО ГОВОРЯТ О ШКОЛЕ ТАТЬЯНЫ ГОГУАДЗЕ МАМЫ ДЕТЕЙ-ДИСЛЕКСИКОВ

Елена КУИМОВА
(Пермь):

– Сын учился ниже среднего, домашнее задание было настоящим испытанием. В 11 лет ему поставили диагноз: дисграфия-дислексия. И «успокоили»: смиритесь – ребенок всегда так будет писать и читать. Но я не смирилась. В 12 лет он пошел в школу юных математиков, первая же олимпиада – и стал призером города. Он сдал вступительные экзамены в школу со специализацией физика-математика, информатика, поступил и начал учиться с удовольствием. Ему эта сложная нагрузка стала в радость! Но с русским языком и литературой ничего не изменилось. Мы пытались объяснить учителю, что у ребенка дислексия, но по реакции поняли, что ей это неинтересно. В итоге у ребенка было шесть двоек по русскому и дикий стресс.

В Перми специалистов, работающих с подростками-дислексиками, нет. Из интернета узнав о школе Татьяны Гогудзе, поверила не рекламе или восторгам мам, а видеоотзывам самих детей. Если ребенок-дислексик может самостоятельно так рассказать о том, что с ним происходит, это лучшее доказательство, что метод работает. Мы приехали в Москву. После диагностики сын изменился внешне, внутренне, решил все вопросы в школе – сам! На литературе стал экспромтом (!) излагать свои мысли по заданной теме. Закрыв все двойки по русскому... Сегодня на летней программе в Сочи закрепляем переменные, которые уже произошли. Здесь он узнал о своих способностях к языкам и решил учить японский, чтобы поехать в Японию, потому что там развита наука.

Ирина БОРОВКОВА
(Нижний Новгород):

– Я приехала на программу с сыном Михаилом, но не с его, а со своей проблемой. Прошла биометрический тест, который показал, что мое состояние разбалансировки, неуравновешенности вызвано дислексией

развития мозга. Интуитивно я искала метод, который помог бы выйти из моего психоэмоционального состояния, уравновесить меня, поэтому стала инструктором по йоге. Но в какой-то момент пришла к выводу, что йога не просто успокаивает – она затормаживает, и человек теряет ценный временной ресурс. Методика, разработанная Татьяной Валерьевной, включает больше физических упражнений, которые активизируют левое полушарие, что способствует моему движению вперед.

Наталья ТИМОФЕЕВА
(Москва):

– Моя дочь заканчивает 7-й класс школы с углубленным изучением иностранных языков. С английским и немецким никаких проблем, а с математикой, чтением и письмом – беда. Уроки приходилось делать только вместе. Интуитивно я чувствовала: моя девочка особенная, а педагогическое сообщество вынесло вердикт: необучаема... Мы обращались к логопедам, к дефектологу, занимались в известном в Москве институте коррекционной педагогики – никаких результатов.

О школе Татьяны Валерьевны узнали из интернета. Все, что она пишет о детках-дислексиках, моментально находит отклик в моем сердце. Кажется: это все про моего ребенка! Результаты биометрической диагностики, с которой Татьяна Валерьевна начинает работать с ребенком, меня обрадовали: у моей девочки действительно уникальные способности, она двухполушарная, но поскольку постоянно нервничает, синхронно оба полушария работать не могут.

На двухнедельных курсах каждый день открывали что-то важное... не только моя дочь, но и я сама. Татьяна Валерьевна рассказывает о том, как устроен мозг, почему нейродинамика может синхронизировать работу двух полушарий...

Когда мы вернулись в школу, начались итоговые контроль-

ные. И всю домашнюю работу Маша делала сама – впервые! Оказалось, раньше у нее не было четкого представления о том, что нужно читать слева-направо и сверху-вниз, благодаря упражнениям в школе Татьяны Валерьевны мозг заработал. Контрольную работу по русскому языку дочь написала на «5», учителя заметили: у Маши не только почерк изменился, но и голос, внутри словно появился стержень. И мы приехали в Сочи, чтобы закрепить навыки самоорганизации, самоконтроля и двигаться дальше.

Ольга ЧЕРНОВА (Сочи):

– Когда старший ребенок пошел во 2-й класс, у него появились проблемы с чтением, писал медленно, почерк ужасный. Искали специалистов, которые помогли бы нам, в Краснодаре, а нашли школу в Москве. Но каково же было мое удивление, когда оказалось, что такая школа есть прямо у нас, по соседству! На осенних каникулах приехала заниматься со старшим ребенком, взяла с собой дочку, которой тогда было 5. Она все делала левой рукой. Но и эту проблему Татьяна Валерьевна решила.

Нина АНИЩЕНКОВА
(Смоленск):

– Сын, несмотря на репетиторов, учился с двойки на тройку по русскому и английскому, все были уверены: он просто ленится. Но ситуация стала критической. Помню: Новый год, я загадываю желание – наладить отношения с ребенком. А 2 января вижу по ТВ программу, в которой Татьяна Валерьевна рассказывает о детях-дислексиках. И понимаю: это же про моего ребенка! Едем в Сочи. Оказалось, у левополушарного ребенка мы развивали левую руку. По предложению Татьяны Валерьевны руку поменяли буквально за 2-3 дня! Теперь ребенок пишет (не просто выводит буквы – именно пишет!) правой рукой. Изменился и общий настрой, он стал более спокойный, уравновешенный.

Нина Булычева